

Ю. М. Шилков †

СИМВОЛ И ВЫМЫСЕЛ
(О ФИКЦИОНАЛЬНЫХ
ВОЗМОЖНОСТЯХ
СИМВОЛА)¹

Разъясняется, что адекватное представление о природе символа (символической форме) оправдывает обращение к анализу его фикциональных возможностей. Выделяются четыре особенности символа, которые отличают его от знака. Показана репрезентирующая способность символических форм, т.е. отношения между фикциональными объектами и их репрезентацией, которая осуществляется символическими средствами. Исследуются три типа фикциональных возможностей символической формы: реалистический (или правдоподобный), формально-гипотетический и фантастический.

The author claims that an adequate idea of the nature of symbol (symbolic form) justifies the address to the analysis of its fictional potential. The author defines four features of the symbol that distinguish it from the sign. The article shows the representation potential of symbolic forms, i.e. the relation between fictional objects and their representation that is formed by symbolic means. The author distinguishes and analyses three types of the fictional potential of symbolic forms: realistic (or plausible), formal-hypothetical, and fantastic ones.

Ключевые слова: символ, вымысел, фикциональные возможности символа, диспозиция символической формы, символическое действие.

Key words: symbol, fiction, fictional potential of symbol, disposition of symbolic form, symbolic action.

Символическая тема — одна из сквозных тем в философии, науке и культуре, исследовательский интерес к которой никогда не пропадал. Природу символических способностей человека стремились прояснить как на высотах сциентистских обобщений и других форм рациональности, так и в терминах бессознательного или других иррациональных глубинных оснований. Через культурно-исторические судьбы

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ (грант № 07 03-00422а). Статья фактически представляет собой доклад Юрия Михайловича Шилкова (1941 — 2009), который он представил на заключительном пленарном заседании X Кантовских чтений 24 апреля 2009 г. Он, к сожалению, не успел оснастить ее ссылками и другим научным аппаратом. Редколлегия добавила русскую и английскую аннотации и ключевые слова на русском и английском. Остальной текст оставлен в редакции Юрия Михайловича.

символического тянется бесконечный шлейф напряженных дискуссий и острейших разногласий по поводу его природы, средств и форм выражения. На сегодня, по-видимому, даже невозможно дать сколько-нибудь полную типологию или классификацию технологий воплощения символической тематики и проблематики. Число разнообразнейших мифологических, теологических, научно-дисциплинарных, художественных, технических, всевозможных повседневных, культурно-исторических и, конечно же, философских вариаций на символическую тему постоянно растет. Все они проливают «прямой» или «косвенный» свет на статус и роль символа, символической формы в бытии, в жизни, познании и общении людей.

В немалой степени творческий потенциал символических форм обусловлен их фикциональными возможностями или возможностями вымысла, коренящимися в структурах сознания и бессознательного, языка и речи, понятия и образа, в познании и общении. Сразу хочу оговориться, что провести отчетливую границу между символической формой и ее фикциональными возможностями весьма трудно. Но, с другой стороны, было бы опрометчиво вообще не замечать их различия. Тем более, что фикциональным возможностям символа до сих пор уделяли лишь незначительное внимание. Именно это обстоятельство мотивировало мой интерес к фикциональному сюжету в символической теме. По моему убеждению, онтологические, теоретико-познавательные, психологические, риторические и коммуникативные проблемы, возникающие при изучении возможностей вымысла, являются гораздо более существенными, нежели считалось до сих пор. Я попытаюсь всеми последующими рассуждениями разяснить, что адекватное представление о природе символа (символической форме) не исключает, а оправдывает обращение к анализу его фикциональных возможностей. Однако фикционалистский подход вовсе не предполагает, что все символические формы сразу же могут быть проинтерпретированы исчерпывающим образом, без всяческих издержек. Неполноту информационно-смысловой картины о фикциональной начинке символической формы не следует «списывать» на присутствие иррациональных или каких-то других маргинальных элементов. Фикционалистский подход требует более значительных инвестиций в исследование символа и добывание необходимого знания о нем. По-видимому, мое более осторожное предположение о связи символа и фикции полнее всего характеризуется произвольном перифразой И. Канта о том, что символ без вымысла пуст, а вымысел без символа слеп.

Конечно, при этом надо учесть, что сама диспозиция символической формы отличается значительной степенью неопределенности. Если мы хотим разобраться в том, что скрывается за конкретной символической формой, то, стараясь вникнуть и разобраться в ней, мы убедимся в том, что не сможем достичь строго однозначного результата. Интерпретируя, комментируя или проясняя этимологию символической формы, мы все дальше и дальше дистанцируемся от ее первоначальной природы. В ходе анализа символической формы она претерпевает изменения, ее свойства корректируются, а смысловые ресурсы уточняются, расширяются или сужаются. Подобная теоретико-познавательная диспозиция символической формы напоминает принцип неопределенности В. Гейзенберга. Согласно этому принципу элементарную частицу нельзя наблюдать в естественном состоянии, потому что сама процедура наблюдения в условиях экспери-

мента подвергает ее изменениям. Что уж тогда говорить о специфике гуманитарного познания, объекты которого гораздо больше зависят от произвола исследователя.

О символе можно рассуждать как о знаке, ибо и тот и другой обладают общими свойствами. Они способны представлять и замещать предмет (вещь, свойство, отношение). Символ и знак указывают на реальность, как находящуюся вне них, так и заключенную в них самих. Наряду с общими свойствами символа и знака необходимо назвать те особенности символа, которые отличают его от знака.

Во-первых, благодаря своим качествам символ не просто указывает на предметную реальность, представляя и замещая ее, а обладает способностью *соучаствовать* в этой реальности. Например, флаг, герб и гимн как символы конкретной страны. Они выражают жизнь этой страны, представляют ее или указывают на нее, принимая непосредственное участие в демонстрации ее реального достоинства и могущества. В отличие от символов знаки соучаствовать в реальности не могут. Поэтому знаки можно заменять, исходя из целесообразности их использования в качестве средств общения, тогда как символы заменить по соображениям коммуникативной целесообразности невозможно. То есть замена флага, герба и гимна страны может произойти только тогда, когда радикально изменится ее действительное положение, которое они уже не смогут символизировать.

Во-вторых, символ обладает способностью выражать те уровни реальности, которые, как правило, скрыты от нас и могут быть доступны только благодаря его фикциональным ресурсам. Речь идет о вымышленной, воображаемой или виртуальной реальности, которая воплощается в символических формах науки, искусства или религии. Благодаря своим фикциональным возможностям символ сам способен создавать (творить) любую реальность. Речь может идти о реальности, создаваемой средствами любых символических форм. Можно различать символические формы объективной или субъективной реальности, исторической, социальной или культурной реальности с учетом их конкретных признаков, символическую реальность бессознательной психики или символику виртуальной реальности, создаваемой информационно-коммуникационными технологиями. Романтическое движение в культуре, например, придает существенное значение риторическим качествам (например, выразительность, изобразительность) символической формы. Согласно манифесту символистов, например, символ обладает той творческой продуктивностью, благодаря которой создается особая символическая (вымышленная) реальность.

В-третьих, символ обладает условным сходством с живым существом. С одной стороны, он рождается, действует и умирает как любой живой организм. Символ существует в пределах жизненной ситуации с характерными для нее конкретными историческими, социальными, культурными и индивидуально-личностными значениями. Фикциональная способность символа как действия коренится в ритуале. Символическое действие наряду со своими концептуальными и чувственно-образными признаками отличается эмоционально-ценностными качествами. Жизненные качества символа заключаются в том, что он способен связать нас с традициями, ценностями, играть роль идеала (идеализации, абстракции) в познании и общении, а также выполнять функцию нормы, регулируя жизнь людей. С другой стороны, так сказать телесная смерть символа не означает его духовную

смерть. Сошлемся на символическую роль письменности в культуре и жизни человека. М. Фуко, в частности, заметил, что в западной культурной традиции письмо соотносится не столько с миром вещей, сколько с речью. Поэтому язык, по выражению Фуко, путается в бесконечной череде собственных отражений. Тогда как символические возможности иероглифического письма выражают саму вещь в ее невидимой форме. Иероглифы описывают мир без посреднического участия речи, как бы устраняя это среднее звено и сокращая дистанцию между вещью и символом. Зачастую в распоряжении исследователя остаются лишь символические средства, с помощью которых он добирается до истоков чего-либо, к началу истории, культуры, общества, языка, сознания, обращается к самому себе. Письмо оказывается тем символическим механизмом, с помощью которого человеку удается продлевать свою жизнь после смерти, привлекая к своей персоне внимание читателей последующих поколений. Символ позволяет подступиться к языку других людей, особенно тех поколений и культур, которые удалены от нашей эпохи на гигантские временные дистанции, уходят к истокам бытия.

В-четвертых, символы могут выражать предельную заинтересованность людей в чем-либо или в ком-либо, превращаясь в средства и формы их жизнедеятельности, которые начинают претендовать на уникальность, неповторимость, исключительность. Например, предельная заинтересованность людей в Боге реализуется в символических формах с характерными конфессиональными различиями и с присущей им тенденцией к религиозной исключительности. Часто предельная заинтересованность людей ассоциируется с деньгами, славой, успехом или властью. Благодаря своим метонимическим качествам деньги, слава, успех или власть превращаются в символические средства и формы, замещая собой вымышленную реальность. Тем самым символы приобретают значения фикций, часто раскрывая природу человеческой индивидуальности и личности.

Тот факт, что язык дискурсивного строя вымысла обусловлен, например, языком повседневного общения, конфессиональными признаками языка религий, языком художественных жанров или разнообразных научных дисциплин (естественные, гуманитарные, общественные и технические науки), не вызывает сомнения. Особенности конкретного языка самым непосредственным образом влияют на конструктивные возможности вымысла. В свою очередь, прояснение конструктивных возможностей вымысла проливает новый свет на вопрос о природе символических форм. Так, различия символических форм науки, искусства и религии не могут не броситься в глаза. Конечно, сам по себе вопрос о предпочтении конкретного языка в вымысле весьма объемён и нуждается в особой проработке. Наиболее демонстративным примером может быть ссылка на риторические средства языка. С их помощью достигаются эффекты фигурального выражения тех явлений, свойств и отношений в общении, науке, искусстве или религии, буквальное значение которых искажало бы их, наделяло бы их ложными качествами или было бы просто невозможно. Важно лишь предостеречь против прямого переноса риторических возможностей одного дискурсивного строя вымысла на другой (например, из одной научной дисциплины в другую, из одного жанра искусства в другой и т. п.).

Символ в одинаковой мере связан с понятийной и образной формой, приобретая собственную самостоятельность. В качестве самостоятельной

формы символ способен заместить как понятие, так и образ. Например, как показал Э. Кассирер, по мере развития материальной культуры назначение огня, земледельческие орудия, кузнечное ремесло и другие технические средства оснащения жизнедеятельности людей воспринимаются ими как дары богов, научивших их искусству владения ими. Обожествление орудий способствует их культовому почитанию и последующему превращению в символы жизни. Культурно-исторический процесс развития символических форм в значительной степени обязан метафорам, метонимиям и другим приемам использования тропов в общении и познании. Символические формы артикулируют воспринимаемые явления, наделяют их соответствующими чертами (свойствами) и упорядочивают. Восприятие мира зависит от того, какими средствами оно осуществляется (средствами языка, мифа, религии, искусства, техники или науки). Каждый из перечисленных видов восприятия отличается от других не только инструментальной оснащенностью, но и конструктивными возможностями вымысла соответствующих символических форм. При этом вопрос заключается не в том, какой символический способ восприятия оказывается наиболее точным воспроизведением мира (действительности), а в том, какие специфические признаки определяют каждый из способов восприятия мира и как эти способы восприятия могут дополнять друг друга или соотноситься друг с другом. Известно, что в античной риторике одним из основных приемов метафоры считался прием подмены родового понятия видовым или прием определения части через сведение ее к целому и обратно. Есть основания полагать, что метафора была тем способом вымысла, которым пользовалось архаическое сознание, используя для этих целей ресурсы языка и мифа.

Творческая миссия вымысла нагляднее всего раскрывается в отношении действительности и символической формы. В триптихе «действительность — вымысел — символ» символ выполняет функции носителя и средства, в терминах которых воплощается дискурсивный строй вымысла. Вымысел опосредует отношения символической формы и действительности: фикциональные свойства, которые проявляются в отношениях символа и действительности можно рассматривать под разным углом зрения. Один ракурс позволяет судить о том, что *в свойствах вымысла нет ничего такого, чего не было бы ранее в действительном мире*. Согласно другой точке зрения, *нет ничего в действительности того, чего ранее не было бы вымыслено*. Может быть, эти констатации напоминают прописные истины, но они оказываются в роли исходных посылок для последующей экспликации фикциональных особенностей символической формы. Известно, что к отношениям «символ — действительность» нельзя подобрать общий знаменатель, ибо они зависят от конкретного культурно-исторического контекста. Мне хотелось бы показать репрезентирующую способность символических форм, т.е. отношения между фикциональными объектами и их репрезентацией, которая осуществляется символическими средствами. Репрезентация позволяет использовать символ для того, чтобы представить возможный или вымышленный фикциональный объект. Благодаря своим фикциональным возможностям символ замещает то, что отсутствует в действительности. Проблема репрезентации как раз и заключается в том, чтобы символические средства были подобраны так, чтобы заместить отсутствующие структуры наилучшим образом. Например, можно так преподнести вымышленный текст и насытить его признаками действительности, что он будет ее

простой копией. Повествование окажется зеркальным отражением действительности, а в его правдоподобию сомневаться не придется. Но вот исследователь меняет свой взгляд на отношение своего повествования к действительности. Он вплетает действительность в ткань повествования, превращая ее, например, то в его фон, то в его фигуральные достоинства. Действительность с дискурсивной легкостью, свойственной фикции, уже воспринимается то как фикция-фон, то как фикция-фигура. При этом образительность, выразительность, иносказательность и другие качества фикции приобретают такую дискурсивную форму, о правдоподобию которой говорить уже не придется. Значение же конкретных фантастических сюжетов, ситуаций, персонажей и событий авторского повествования может достигать столь предельных выражений, что их сходство с действительностью будет весьма парадоксальным или очень отдаленным.

Дистанцированность фикции от действительности достигается за счет ее способности к уподоблению или условности. Символическая условность фикции делает вовсе необязательным ее фактуальную достоверность и убедительность. Можно выделить три типа фикциональных возможностей символической формы: *реалистический* (или правдоподобный), *формально-гипотетический* и *фантастический*. Каждый тип возможностей вымысла воплощается в соответствующих ему символических признаках (своей интенции, вербальном составе, правилах игры, по которым они реализуются). Реалистические возможности вымысла реализуются средствами имитации, подражания (мимезис) и позволяют добиться эффекта правдоподобия, подлинности (подлинности жизни, факта, теории и т.п.) в соответствии с предметно-дисциплинарными особенностями научного знания или разнообразных жанров искусства. Формально-гипотетические возможности вымысла должны удовлетворять не только предметным требованиям конкретной области знания, но и логико-лингвистическим предписаниям. Правдоподобность фикции данного типа достигается формальной строгостью и однозначностью дискурсивно-символического строя знания (например, математической символики, символично-терминологической специфики какой-то конкретной научной дисциплины или жанра искусства). Формально-гипотетический статус фикции может способствовать ее восприятию в роли идеала, нормы, правила, оценки или ценности с присущими им символическими свойствами. Формально-гипотетические возможности вымысла реализуются в символическом предположительном обращении с вещами, свойствами и отношениями. Что касается фантастического типа фикции, то здесь ни о подобии, ни об истинности речь не идет. Характер фантастических фикций зависит не столько от предметно-символической референции, сколько от специфической корреляции между различными фрагментами, например, мифологического или художественного текста. Это могут быть всевозможные семантико-синтаксические комбинации с использованием метафорических, метонимических и других символично-фигуральных средств, разнообразные коннотации текста с контекстом, с пара-, экстралингвистическими и ситуационными (коммуникативными, когнитивными, повседневными, культурно-историческими, социальными) особенностями. Существенным признаком фантастического типа вымысла является его способность к идеальному (иллюзорному, утопическому) преобразованию действительности. Действительность рассматривается в значении границы, за пределами которой вымысел утрачи-

вает свою специфику. В этом случае действительность выступает в роли функции предельного основания вымысла. Возможность превращения вымысла (например, математическое описание) в действительность — один из тривиальных случаев отношений между символом и действительностью. Но существует путь символической трансформации действительности в вымысел, результатом которого действительность оказывается возможной версией фикционального рассуждения. Историческое познание служит примером подобных трансформаций, превращающих действительный статус исторической реальности в возможный способ ее дискурсивного представления. На этом пути предельным основанием вымысла становятся другие фикциональные возможности, в своей совокупности образующие трансцендентальные, т.е. всеобщие и необходимые, условия возможностей вымысла. Другими словами, возможность вымысла существует в трансцендентальном сообществе других фикциональных возможностей.